

БЕРРОУЗ Э.Р.

ЛУННЫЙ ЦИКЛ



СОСТАВИТЕЛЬ
ВЛАДИСЛАВ
П. ПИКОСОВ

БЕРРОУЗ Э.Р.

Луна

Эдгар Берроуз

Люди с Луны

«Автор»

1919

Берроуз Э. Р.

Люди с Луны / Э. Р. Берроуз — «Автор», 1919 — (Луна)

© Берроуз Э. Р., 1919

© Автор, 1919

Содержание

1. Странная встреча	5
2. Сур, сборщик налогов	10
3. Адские псы	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Эдгар Берроуз

Люди с Луны

1. Странная встреча

В начале марта 1969 года я отделился от своего лагеря на пустынном побережье острова Гершеля миль на пятьдесят к юго-востоку в поисках полярного медведя. Я приехал в Арктику год назад, чтобы провести здесь первый настоящий отпуск в своей жизни. Окончание Великой Войны два года назад принесло мир на измученную землю. Мир, которого никогда не было на Земле и теперь люди просто не знали, что же с ним делать.

Я думаю, что мы все растерялись, когда кончилась война, во всяком случае, я. Однако я старался приспособиться к переменам, которые принес мир в мое Бюро Связей, возобновить активность в мировой торговле в эпоху без войны. Всю свою деловую жизнь я занимался осуществлением связей между военными и коммерсантами. Так что перестройка прошла для меня относительно безболезненно. Она заняла немного времени, после чего я попросил отпуск и получил его без особых возражений.

Моими компаньонами по охоте были три эскимоса, самому младшему из которых было девятнадцать лет и он никогда не видел белого человека. Во время Великой Войны, которая длилась двадцать лет, торговля в этих глухих местах с редким населением, совершенно заглохла.

Однако я не собираюсь рассказывать здесь о своих впечатлениях от вновь открытого для людей региона Арктики. Я просто хочу объяснить, как я появился здесь, как снова встретился с ним после первой встречи, которая произошла два года назад.

Мы отошли довольно далеко от берега, когда я, шедший впереди, заметил медведя. Я взобрался на вздыбившиеся острые льдины, махнул рукой эскимосам, чтобы они шли за мной, и, выбравшись на относительно ровный лед, бросился вперед. Я добежал до следующего ледяного барьера, который мешал мне увидеть медведя. Там я оглянулся, чтобы увидеть своих компаньонов, но их нигде не было видно. Больше я их никогда не видел.

Вся масса льда с угрожающим треском и грохотом пришла в движение. Но я был так возбужден, что совершенно не обращал внимания на это, пока не взобрался на гребень следующего ледового вала. Сверху я снова увидел медведя, который был все еще далеко от меня, но двигался ко мне. Затем я оглянулся назад. Эскимосов я не увидел, зато увидел то, что наполнило мою душу ужасом. Лыдина треснула и теперь я был отделен от земли непрерывно расширяющейся полосой ледяной воды. Я не знал, что случилось с эскимосами. Может лыдина треснула прямо перед ними и холодный океан поглотил их? Вполне вероятно, что так и случилось, иначе где же они?

Я снова посмотрел на медведя. Он уже заметил меня и видимо решил, что я легкая добыча, так как теперь несся ко мне большими прыжками. Скрежет и трест льда становился все громче. Вокруг меня лед трещал, ломался, льдины ползли друг на друга и с грохотом рушились вниз.

Между мною и медведем появилась полоса воды. Но полярного гиганта это не остановило. Соскользнув в воду он быстро переплыл трещину и ловко вскарабкался на лыдину, где находился я. Сейчас он был от меня на расстоянии двух сотен ярдов, но я прицелился в левое плечо и выстрелил. Видимо я попал, так как он издал ужасающий рев и бросился ко мне. Я только приготовился выстрелить еще раз, как лыдина снова треснула и он провалился в воду.

Когда я снова увидел его, я выстрелил, но промахнулся. Еще выстрел. На это раз я попал, но он продолжал приближаться ко мне. Я подумал, что он не умрет, пока не доберется до меня

и не отомстит. Я всаживал в него пулю за пулей, но он шел вперед. Правда под конец он уже не шел, а тащился, глухо рыча при каждом шаге. До меня было не больше десяти футов, как вдруг льдина снова треснула, барьер, на котором я стоял, осыпался, и я очутился в воде в нескольких футах от огромного расклевывавшего животного. И, как безумный, старался вскарабкаться на льдину, с которой я свалился. Но хрупкий лед ломался. Других льдин поблизости не было. Разве только та, на которой меня поджидал медведь.

Все же я влез на льдину с медведем, но он не двинулся с места и только повернул ко мне голову. Я решил больше не стрелять, так как мои пули по-видимому раздражали его. Искусство большой охоты давно было забыто. Последние десятилетия производилось только оружие для уничтожения людей. Я состоял на государственной службе и поэтому без труда добился разрешения на медвежью охоту, но правительство не смогло предложить мне никакого оружия, кроме винтовки 1967 года, времени окончания Великой Войны. Винтовка была хороша для того, чтобы убивать людей, но для большой охоты она не годилась.

Трещина вокруг льдины все время расширялась и я видел, что льдину несет в открытый океан. А я был один и моя одежда промокла насквозь. Температура воздуха была около нуля. Я находился на льдине площадью в пол-акра. Вместе с разъяренным полярным медведем, который на таком близком расстоянии казался мне не меньше просвитерианского собора в моем родной городе.

Я не знаю, сколько времени прошло с тех пор, как я потерял сознание. Когда я открыл глаза, то обнаружил, что лежу в мягкой железной койке в лазарете самолета, входящего в состав недавно сформированного Международного Воздушного Мирового флота, который патрулировал всю землю. Стюард и доктор стояли возле койки и смотрели на меня, а в ногах стоял человек в форме адмирала. Я сразу узнал его.

– А, – сказал я, хотя у меня получился только шепот. – Вы пришли рассказать мне историю Юлиана Девятого, как обещали. Я все помню.

Он улыбнулся.

– У вас хорошая память. Когда вы немного придете в себя, я выполню свое обещание.

После этого я снова потерял сознание, но на следующее утро я уже проснулся бодрым и отдохнувшим. Все было в полном порядке, если не считать того, что у меня были слегка обморожены нос и щеки. Но все это ерунда по сравнению с тем, что могло быть. В этот вечер я сидел в уютной кабине адмирала с бокалом шотландского виски. Однако из этикетки я узнал, что все градиенты виски почему-то изготавливались в Канзасе. Адмирал сидел против меня.

– Мне очень повезло, что вы оказались в Арктике, – сказал я. – Капитан Дрейк рассказал, что когда меня заметили, медведь уже был рядом. Но по счастью он умер, не добравшись до меня всего одного фута. Я очень благодарен случаю, что привел вас сюда.

– Это первое, что я должен сказать вам, – ответил адмирал. – Я искал вас. В Вашингтоне знали, где ваш лагерь. Перед отъездом вы оставили подробную инструкцию, где искать вас. И мы немедленно отправились туда. Я очень рад, что задание найти вас было поручено мне. Мне хотелось возобновить наше знакомство. И к тому же я еще никогда не бывал в Арктике.

– Значит Президент хочет видеть меня! – повторил я.

– Да. Министр торговли Уайт умер 15 числа и Президент хочет, чтобы вы заняли его место.

– Действительно интересно. Но история Юлиана Девятого интереснее вдвое.

Он весело рассмеялся и воскликнул:

– Отлично! Тогда начнем!

Но позвольте мне предварить мой рассказ все той же настоятельной просьбой, что и два года назад на борту лайнера Хордана: вы должны постоянно иметь в виду, что такого понятия, как время, вообще не существует, что нет прошлого, нет будущего, есть только настоящее. Никогда не было ничего, кроме настоящего и не будет ничего кроме настоящего. Эта тео-

рия аналогична той, что утверждает, что нет понятия пространства. Некоторые уверяют, что понимают эту теорию. Но я не отношусь к их числу. Я просто знаю то, что знаю, и не желаю знать ничего больше. Я легко могу вспомнить события этой войны, прошлых войн, но более удивительно то, что я могу вспомнить – или предвидеть? – события тех войн, что еще будут. Впрочем я не так выразился. Это не предвидение, что действительно воспоминания: ведь я жил в то время.

Я уже рассказывал вам о нашей попытке долететь до Марса на Барсуме, и о том, как эту попытку сорвал лейтенант-командир Ортис. Это было в 2026 году. Вы должны помнить, что Ортис, который ненавидел Юлиана Пятого, устроил аварию двигателя и корабль был вынужден опуститься на Луну. Провалившись в лунный кратер и проломив поверхностный слой, Барсум попал во внутренний мир нашего спутника.

Юлиан Пятый попал в плен к Ва-гасам, четвероногим разумным обитателям Луны, но затем бежал от них вместе с Наа-ее-Лаа, принцессой Лаэте, представительницей расы лунных людей, похожих на нас. А Ортис вступил в союз с Калькарами, другой человекоподобной лунной расой. Ортис научил Калькаров, которые вечно враждовали с Лаэте, делать порох, бомбы, пушки. Калькары напали на Лаэте и уничтожили их.

Юлиан Пятый и Наа-ее-Лаа, лунная девушка, бежали из горящего города и их подобрал Барсум, который к этому времени уже был отремонтирован Нортоном, молодым инженером, и двумя механиками, которые оставались на борту. Через десять лет после того, как они попали на Луну, Юлиан Пятый с товарищами благополучно приземлились в Вашингтоне, оставив лейтенанта-командира Ортиса на Луне.

В том же году Юлиан Пятый и Наа-ее-Лаа поженились. Уже шел год 2036. У них родился сын, которого назвали Юлианом Шестым. Это был прапрадед Юлиана Девятого, историю которого вы хотели услышать, и во времена которого я снова жил, уже в 22 столетии.

По каким-то причинам мы больше не делали попыток добраться до Марса, хотя все время общались с марсианами по радио. Возможно это произошло вследствие возвышения некоего религиозного течения, которое препятствовало научному прогрессу и оказывало мощное давление на слабое и нерешительное правительство. Эти люди хотели добиться мира любой, самой высокой ценой.

Они выступали за полное разоружение, уничтожение военных заводов, которые принадлежали правительствам Англии и Соединенных Штатов Америки. Две эти страны сейчас правили миром. Король Англии спас нас от последствий этой безрассудной политики, но все же большая часть оружия была уничтожена.

И в 2050 году эта политика принесла свои ужасные плоды. Лейтенант-командир Ортис после 24-летнего пребывания на Луне вернулся на Землю во главе ста тысяч Калькаров и тысячи Ва-гасов. На тысяче огромных кораблей с ними прибыли оружие, боеприпасы и какие-то страшные неведомые машины разрушения, созданные самым изощренным умом во вселенной.

Никто кроме Ортиса не мог сделать такого. Он вынудил Барсум сесть на Луну. Он завоевал авторитет среди Калькаров, он расписал им те блага, которые ждут их на близкой и почти невооруженной планете.

Для него было простой задачей научить их строить корабли, делать оружие и все остальное, что требовалось для завоевания нового мира.

На Луне были все необходимые материалы. Рабочей силой стали Калькары, а Ортис был мозгом всего предприятия. Десять лет ему потребовалось для того, чтобы завоевать власть и убедить Калькаров в выгоде нападения на Землю. Еще четырнадцать лет он затратил на подготовку нападения.

За пять дней до прибытия кораблей на землю астрономы заметили в свои телескопы мельканье каких-то блестящих точек. По этому поводу было много споров и предположений,

но лишь один Юлиан Пятый предположил правду. Он предупредил правительства в Лондоне и Вашингтоне, но его призывы были встречены смехом и недоверием.

Юлиан знал Ортиса, знал, что у него хватит способности построить космический флот, знал, с какой целью Ортис возвращается на Землю с таким огромным количеством кораблей. Это означало войну, а Земля, чтобы защитить себя не имела ничего, кроме десятка крейсеров, да двадцати пяти тысяч солдат, почти небооруженных.

И вот свершилось. Ортис одновременно захватил и Лондон и Вашингтон. Его прекрасно вооруженная армия почти не встречала сопротивления. Да его и не могло быть – ведь сопротивляться было нечем. Иметь огнестрельное оружие на Земле считалось преступлением. Даже холодное оружие с лезвием длиннее, чем шесть дюймов, было запрещено законом. Военное обучение давно было отменено. И вот на безоружную незащищенную землю обрушились сотни тысяч превосходно вооруженных солдат, обладающих ужасными орудиями разрушения, совершенно неизвестными людям Земли. Описания только одной из них будет достаточно, чтобы понять всю беспомощность обреченных землян.

Эта машина была установлена на флагманском корабле и управлял ею лично Ортис. Это было его собственное изобретение и Калькары так и не смогли постичь принцип ее действия и научиться управлять ею.

Короче говоря, это было устройство для генерации радиоволн любой нужной частоты, интенсивности и направленности. Мы не знаем, как называл это оружие Ортис, но земляне называли его электронной пушкой.

Это было новое изобретение и весьма эффективное оружие. С его помощью Ортис в тридцать дней уничтожил весь Интернациональный Воздушный Флот Мира. Он мгновенно уничтожал любой самолет, приближающийся к нему на расстояние электронного выстрела. Для непосвященного в тайны распространения электромагнитных волн, это оружие казалось чем-то сверхъестественным.

Могучий самолет землян, мчавшийся в атаку на флагманский корабль Ортиса, вдруг распался на части: все алюминиевые детали самолета мгновенно раскалялись лучом Ортиса и испарялись, как вода под жарким солнцем. А так как самолет состоял на девяносто процентов из алюминия, то можно представить себе результат. Обломки самолета летели вниз и несчастные люди гибли, так и не успев вступить в бой.

И только Юлиан Пятый раскрыл секрет грозного оружия. Он придумал покрытие, которое защищало алюминий от этих лучей, не давало им раскачивать электроны металла и разогревать их до испарения.

Убежденный в правильности своей теории, Юлиан Пятый с несколькими уцелевшими самолетами скрылся в самой дальней части земли. Ортис искал его несколько месяцев, но только в 2050 году две воздушные армии встретились снова и в последний раз. Юлиан Пятый за это время завершил задуманное и теперь, перед решающей битвой он был уверен в победе над старым врагом. Его флагманский корабль двигался во главе небольшой колонны – последней надежды землян, а сам Юлиан Пятый стоял в рубке рядом с небольшим, укрепленным на треноге, ящичком.

Ортис устремился навстречу. Он рассчитывал уничтожить корабли один за другим по мере сближения. Он уже предвкушал радость легкой победы. Вот он направил электронную пушку на корабль врага и нажал кнопку. И тут брови его нахмурились. В чем дело? Он осмотрел пушку, проверил прицел, подставил под излучатель кусок алюминия, который в одно мгновение превратился в пар. Все работало, а корабли врага не исчезали. А когда корабли сблизались, Ортис все понял: он увидел, что самолет противника покрыт серым веществом, который защищает алюминиевые части от воздействия невидимых лучей.

Тогда Ортис злобно усмехнулся. Он повернул ручку на блоке настройки и снова нажал кнопку. Мгновенно бронзовый пропеллер растаял в воздухе. А вместе с ним и остальные брон-

зовые части самолета. Вся эскадрилья беспомощно повисла в воздухе, совершенно лишенная управления.

Но флагманские корабли уже так сблизились, что враги хорошо видели друг друга. Выражение лица Ортиса было торжествующим, а у Юлиана Пятого лицо было угрюмым.

– Ты хотел перехитрить меня! – издевался Ортис. – Но я столько трудился ради этого дня! Я разрушил мир, чтобы превзойти тебя, Юлиан. Чтобы превзойти и убить тебя. Но я хотел, чтобы ты знал, что я хочу убить тебя. Убить самым жестоким способом, какого не смог бы придумать самый изощренный ум. Ты защитил алюминий от воздействия моих лучей, но твой кретинский ум не смог дойти до того, что простой регулировкой я могу перестраиваться на любой другой металл, и не обязательно металл. Я могу настраиваться на человеческую плоть и кости.

И вот что я хочу сделать сейчас, Юлиан Пятый! Сначала я уничтожу кости твоего скелета. Это будет безболезненно для тебя и я даже надеюсь, что ты не умрешь. Потому что я хочу, чтобы ты познал силу настоящего интеллекта. Ты умрешь, Юлиан, но постепенно: сначала кости, затем плоть, а потом умрут твои люди и твой выродок, сын твой и женщины, которую я люблю. И теперь она будет моею. Узнай это, прежде чем отправиться в ад! – и он повернулся к своему оружию.

Но Юлиан Пятый положил руку на маленький ящик, стоящий рядом с ним. И он успел нажать кнопку на ящичке раньше, чем Ортис нажал свою. Мгновенно электронная пушка исчезла прямо на глазах изумленного Ортиса. А затем корабли столкнулись. Юлиан Пятый перескочил на корабль врага и бросился к нему.

Ортис стоял, не имея сил двинуться с места. Он был охвачен ужасом от того, что великолепное творение его разума растаяло в воздухе без следа. Затем он взглянул на приближающегося Юлиана и крикнул:

– Стой! Ты все время крадешь у меня плоды моих трудов. Ты как-то сумел выкрасть у меня тайну моего изобретения и вот сейчас ты уничтожил его. Если есть Бог на небесах...

– Да! – крикнул Юлиан Пятый. – Я уничтожу тебя, если ты не сдашься мне со всей своей армией.

– Никогда! – выкрикнул Ортис. – Он был страшен в своей безумной ярости. – Никогда. Это конец для нас обоих, Юлиан Пятый! – С этими словами он рванул рычаг на панели управления и раздался страшный взрыв. Оба корабля, охваченные пламенем, рухнули вниз, в бушующий океан.

Так нашли свою смерть Юлиан Пятый и Ортис, унеся с собой тайну ужасного оружия, которое Ортис принес с Луны. Но Земля была опустошена. Она была беспомощна перед своими врагами. Остается только предполагать, что сделал бы Ортис, останься он жив. Может быть он навел бы порядок в том хаосе, который создал сам.

Оставалась еще надежда, что земляне объединятся перед лицом общего врага. Но этого не случилось. Те, что были недовольны правительством, присоединились к Калькарам. И любители пожить в свое удовольствие, не затрачивая никакого труда, лентяи, всякого рода авантюристы встали под знамена завоевателей, предвкушая поживу.

Космический флот Калькаров несколько раз летал на Луну, привозя все новые и новые войска. Каждый год они доставляли на землю по семь миллионов воинов.

Юлиан Шестой со своей матерью Наа-ее-Лаа был жив. Остался жив и Ортис, сын Ортиса и женщины-калькарки, но мой рассказ не о них, а о Юлиане Девятом, который родился через сто лет после рождения Юлиана Пятого.

Юлиан Девятый сам расскажет о себе.

2. Сур, сборщик налогов

Я родился в тевиоса близ Чикаго первого января 2100 года от Юлиана Восьмого и Элизабет Джеймс. Мои отец и мать не были в браке, так как браки были запрещены законом. Назвали меня Юлианом Девятым. Мои родители принадлежали к классу интеллектуалов, число которых быстро уменьшалось. Оба они умели читать и писать. Они и меня обучали этому – весьма бесполезное знание, так как книгопечатание было давно заброшено, а большинство книг уничтожено задолго до моего рождения. Поэтому читать было нечего, а иметь у себя книгу, значило открыто признать себя вонючим интеллектуалом и вызвать на себя гнев, презрения и гонения Калькаров, которые правили всей землей.

Первые двадцать лет моей жизни прошли без особых событий. Будучи мальчишкой я играл в обширных развалинах, которые когда-то были прекрасным городом. В разграбленном, много раз горевшем городе, который назывался Чикаго, все еще вздымались из пепла скелеты громадных зданий. Я очень тосковал по романтике тех давно ушедших дней, когда у моих предков еще было достаточно сил, чтобы оказывать сопротивление завоевателям. Мне была противна та затхлая жизнь, которую нам приходилось вести сейчас и которую скрашивали только редкие случайные убийства Калькаров. Даже отряд Калькаров, расквартированный на берегу большого озера, не беспокоил нас за исключением тех случаев, когда высшие власти требовали сбора налогов. Да, мы кормили этих завоевателей и отдавали им своих девушек – многих, но не всех, как вы поймете позже.

Комендант тевиоса служил здесь уже много лет и мы могли считать, что нам повезло. Из-за своей лени или флегматичности он не был слишком жесток и не очень притеснял нас. Его сборщики налогов исправно посещали нас, но они никогда не знали в точности, сколько же мы оставляем себе. Совсем не так обстояло дело в других тевиосах.

Я помню, как один беженец из тевиоса Милуоки однажды пришел к нам. Это был настоящий мешок костей и он рассказал нам, что в прошлом месяце десять тысяч человек умерло с голоду в их тевиосе.

Слово тевиос означало административную единицу территории. Никто не знал, что это за слово, но моя мать сказала мне (а ей в свою очередь сказала ее мать), что это слово пришло к нам из другого мира, с луны. Также как слово Каш Гвард, которое тоже ничего конкретного не означает. Один воин – Каш Гвард, сто воинов – тоже Каш Гвард. Если человек приходит с листком бумаги, на котором написано что-то, что никто не может прочесть, и этот человек убивает твою мать и уводит твою сестру, то говорят, что это сделал Каш Гвард.

Это была одна из многих причин, почему я ненавидел правительство. Меня бесило то, что Двадцать четыре выпускают печатные воззвания и приказы народу, которому не дозволено учиться читать и писать. Я сказал, что печатное дело было давно забыто. Это было правда только в отношении народа. Двадцать Четыре имели свою типографию, где печатались деньги, манифесты, приказы. Деньги были нужны Калькарам в том случае, когда в народе поднималось недовольство против непосильных налогов. Тогда сборщики платили за товары деньгами. Однако эти деньги не представляли никакой ценности. Разве что их можно было использовать для растопки печей.

Эти деньги не годились для уплаты налогов. Двадцать Четыре принимали только золото и серебро, а также продукты. Они уже потом не пускали золото в оборот и оно постепенно исчезало, хотя еще во времена моего детства его было столько, что мы играли им на улицах.

Три воскресенья в месяц сборщики налогов посещали рынок, определяя наш оборот, а в последнее воскресенье месяца они приходили забирать один процент с того, что каждый продал или купил в течение месяца. Ничто не имело твердой цены. Можно было торговаться два часа, чтоб выменять мешок бобов за коровью шкуру, а в следующее воскресенье этот же

мешок стоял уже три, а то и четыре шкуры. И сборщики налогов пользовались этим, определяя сумму налога в дни самых высоких цен.

У моего отца было стадо длинношерстных овец, которых он называл ангорскими. Мать из их шерсти делала для всех нас одежду. Благодаря шерсти, молоку, мясу наших овец мы жили сравнительно неплохо. Кроме того возле дома мы имели небольшой огородик. Все остальное мы могли легко выменять на рынке. Торговать помимо рынка было строго запрещено. Однажды зимой, когда мать заболела и у нас не было угля, чтобы обогреть дом, отец пошел к начальнику Каш Гвард, чтобы выпросить разрешение купить уголь не в базарный день. Солдаты послали с ним Гофмейера, гапта Калькаров, который ведал угольными складами нашего тевиоса, чтобы тот убедился, насколько бедственно наше положение. И Гофмейер потребовал пять овец в обмен на мешок угля весом в пол-овцы.

Отец протестовал, но бесполезно. И ему ничего не оставалось делать, как отнести овец и взять уголь. И эта несправедливая сделка стоила ему еще трех овец, так как она вошла в сумму оборота.

Старый сборщик налогов не позволил бы себе такой наглости. Но к нам направили нового сборщика.

Отец сказал, что хуже уже не будет, хуже некуда. Но он ошибался. Худшее было впереди. Перемены начались в 2017 году, когда Ярт стал Джамадаром Соединенных Тевиосов Америки. Разумеется перемены не происходили мгновенно. Вашингтон был далеко от Чикаго, а железнодорожного сообщения между ними не было. Двадцать Четыре оставили несколько разрозненных веток, но технического персонала было мало и поэтому поездка из Вашингтона до Гари, крайней западной точки, занимала несколько недель.

Отец сказал, что все железные дороги были уничтожены во время войны, когда Калькары завоевали сторону. Рабочим было разрешено работать не более четырех часов в день. Но Калькары не удовлетворились этим. Они создавали новые законы, которые вообще не оставляли времени для работы. Но хуже всего было то, что всех инженеров и техников, которые могли бы поддерживать железную дорогу в рабочем состоянии, постепенно изолировали и уничтожали. Они ведь были интеллигентами.

В течение семидесяти пяти лет не было сделано ни одного паровоза, а те немногие, что еще оставались, пришли в полную негодность. Двадцать Четыре пытались задержать неотвратимое тем, что использовали поезда исключительно для своих нужд: для переброски войск и официальных поездок. Но недалеко было время, когда железные дороги перестанут существовать – навсегда. Однако для меня все это не имела смысла, так как я никогда в жизни не ездил на поезде, да и никогда не видел ни одного. Только заржавевшие среди развалин тут и там. Но мои родители с ужасом воспринимали гибель железной дороги – ведь это было единственная уцелевшая связь с прошлой цивилизацией. И теперь она рушилась. Оставалось только варварство.

Самолеты, автомобили, корабли, телефоны – все это исчезло до того, как родились мои родители. Но родители моих родителей еще пользовались этими благами цивилизации. Телеграф действовал еще и сейчас, хотя оставалось совсем немного линий, соединяющих Вашингтон с западным побережьем. К западу от нас не было ни железных дорог, ни телеграфа. Когда мне было десять лет я видел человека, прискакавшего на лошади из Тевиоса Миссури. Он выехал с сорока спутниками, чтобы доехать до востока и посмотреть, что же произошло в стране за пятьдесят лет. Но во время пути бандиты и Каш Гвард перебили всех. Остался он один.

Я затаив дыхание, стараясь не пропустить ни слова, слушал рассказ этого человека о трудном и опасном путешествии. И потом много недель после этого я рисовал в своем воображении героические приключения, которые происходили со мной во время путешествия на таинственный запад. Этот человек много рассказывал нам о своей родине. Он говорил, что

земля там богаче, что там и люди живут лучше, чем здесь. Поэтому он не захотел оставаться у нас и решил вернуться домой, даже рискнул вновь столкнуться со смертельными опасностями.

Вскоре наступила весна и я с вожделием смотрел на реку, предвкушая удовольствие первого купания. С окон нашего дома уже были сняты овечьи шкуры и солнце весело бродило по трем нашим комнатам.

– Плохие времена настали, Элизабет, – сказал отец. – Раньше тоже не было ничего хорошего, но с тех пор, как Джамадаром стала эта свинья...

– Тише, – прошептала мать, показывая на открытое окно.

Отец замолчал, прислушался. Мы слышали чьи-то шаги и в дверном проеме появилась тень человека. Отец вздохнул с облегчением.

– А! – воскликнул он. – Это же наш добрый брат Иохансен. Входи, брат Пит, и расскажи нам новости.

– О, новости есть! – воскликнул пришелец. – Вместо старого коменданта назначен новый по имени Ортис, он из приближенных самого Ярта. Что ты думаешь по этому поводу?

Брат Пит стоял между отцом и матерью, спиной к последней, так что он не мог видеть, как мать отчаянно замигала отцу, предостерегая его от лишней болтовни. Я видел, как отец нахмурился, видимо ему не понравилось предостережение матери, и когда он заговорил, слова его были именно такими, какими должны были быть у человека, пострадавшего за болтовню.

– Как я могу думать о том, что делают Двадцать Четыре?

– Я тоже не могу обсуждать их действия, – быстро ответил Иохансен, – но между нами ведь мы можем высказаться открыто и облегчить душу, а?

Отец пожал плечами, отвернулся. Я видел, что он весь кипит от желания облегчить душу ругательством на тех дегенеративных тупых животных, которые уже целое столетие правили землей. Он в детстве еще слышал рассказы о торжестве цивилизации, о счастливой жизни, о том, как и когда все это было утрачено.

Мои родители пытались зажечь во мне искру угасшей культуры в жалкой надежде, что когда-нибудь придет день, когда мир выкарабкается из вонючей слизи невежества, куда его столкнули Калькары, и эта искра вспыхнет ярким пламенем.

– Брат Пит, – сказал наконец отец. – Я должен идти к сборщику налогов и отнести ему три овцы. – Он старался говорить спокойно, хотя это было нелегко для него. Горечь и досада слишком явно звучали в его голосе.

– Да, да, – сказал Пит. – Я слышал об этом деле. Новый сборщик смеялся над тобой у Гофмейера. Он считает, что это очень удачная шутка и собирается продолжить ее.

– О, нет! – воскликнула мать. – Он не сделает этого.

Пит пожал плечами.

– Может он просто шутит? Эти Калькары большие шутники.

– Да, – Сказал отец. – Они большие шутники. Но когда-нибудь и я сыграю с ними шутку. – И он зашагал к стойлу.

Мать встревоженно посмотрела ему вслед, а затем перевела взгляд на Пита, который вышел за отцом.

Мы с отцом повели овец сборщику. Это оказался маленький человечек с копной рыжих волос, тонким носом и двумя близко посаженными газами, его звали Сур. Как только он увидел отца, злоба перекосила его лицо.

– Как твое имя, человек? – спросил он надменно.

– Юлиан Восьмой, – ответил отец. – Вот три овцы – налог за месяц.

– Как ты назвал себя? – рявкнул Сур.

– Юлиан Восьмой, – повторил отец.

– Юлиан Восьмой! – заревел Сур. Я полагаю ты слишком интеллигентен, чтобы быть братом такому, как я?

– Брат Юлиан Восьмой, – угрюмо повторил отец.

Загнав овец, мы направились домой, но тут снова услышали голос Сура.

– Ну?

Отец вопросительно повернулся к нему.

– Ну? – повторил Сур.

– Я не понимаю, – сказал отец. – Разве я не выполнил то, что требует закон?

– Вы что здесь с ума посходили? – выкрикнул Сур. – В западных тевиосах сборщики налогов не живут только на свое нищенское жалование. Граждане приносят им небольшие подарки.

– Хорошо, – спокойно сказал отец. – В следующий раз принесу тебе что-нибудь.

Посмотрим, – рявкнул Сур.

По пути домой отец не проронил ни слова. Он молчал и во время ужина, состоящего из овечьего сыра, молока и лепешек. Я был ужасно зол, но то, что я рос в атмосфере страха и террора, научило меня держать язык за зубами.

Закончив ужин, отец резко вскочил, так что стул отлетел к противоположной стене, и изо всех сил ударил себя кулаком в грудь.

– Трус! Слизняк! – закричал он. – О Боже! Я не могу вытерпеть этого! Я сойду с ума, если буду и дальше терпеть эти издевательства! Я больше не мужчина! Теперь нет мужчин. Все мы черви, которых эти свиньи топчут ногами, грязными копытами. И я не осмелился ничего сказать! Я стоял молча, пока этот подонок оскорблял меня, плевал на меня! Я все терпел и что-то жалобно мычал. Это невыносимо!

Прошло всего несколько поколений, а они вытравили мужество у американцев. Мои предки сражались под Бункер Хилл, при Геттисбурге, Сан-Хуане, Шато Тьерри. А я? Я преклоняю колени перед каждым дегенератом, которого назначили на должность из Вашингтона. И все они не американцы, и даже не земляне. Я склоняю голову перед этими вонючими с Луны – Я, представитель самого великого народа на Земле!

– Юлиан! – воскликнула мать. – Будь осторожен, дорогой. Кто-нибудь может услышать.

Я увидел, что она дрожит.

– А ты разве не американка? – прорычал он.

– Юлиан, не надо, – взмолилась она. – Я ведь беспокоюсь не о себе, ты это знаешь. Я беспокоюсь о тебе и моем мальчике. Я не хочу, чтобы тебя забрали, как это случилось со многими, кто говорил то, что у него на душе.

– Я знаю, дорогая, – сказал он после паузы. – Я беспокоюсь за тебя и сына, ты беспокоишься за меня и сына. И все продолжается по старому. О, если бы нас было побольше, если бы я мог найти тысячу мужчин, которые бы осмелились выступить против завоевателей.

– Тише, – предупредила мать. – Вокруг столько шпионов. Каждый может оказаться им. Поэтому я предупредила тебя, когда пришел Пит.

– Ты подозреваешь Пита? – спросил отец.

– Я ничего не знаю, но я боюсь всех. Так жить страшно. Но я живу в этом страхе все время и моя мать жила также. И ее мать тоже. Я никогда не смогу привыкнуть к этому страху.

– Американский дух согнут, но не сломан, – сказал отец. – Будем надеяться, что он никогда не будет сломан.

– Если наше сердце страдает вечно, – сказала мать, – оно никогда не сломается. Но это очень трудно так жить. Трудно когда мать даже не хочет приносить в мир ребенка. – Она взглянула на меня. – Потому что его ждут страдания и унижения. Я всегда хотела иметь много детей, но я боялась этого. Особенно я боялась, что будут девочки. Быть девушкой в такое ужасное время...

После ужина мы с отцом подоили овец и крепко заперли овчарню. Больше всего мы боялись собак. Их с каждым годом становилось все больше и они были наглее. Теперь они бегали

стаями и человеку было небезопасно выходить на улицу по ночам. Нам было запрещено иметь не только огнестрельное оружие, но даже луки, стрелы. Так что мы не могли отгонять собак и те, чувствуя нашу слабость, стали подходить к нашим домам все ближе и ближе.

Это были большие собаки, бесстрашные и сильные. А одна стая состояла из поистине огромных собак. Отец сказал, что это помесь колли и черных овчарок. Это были хитрые, свирепые собаки. Они наводили ужас на весь тевиос.

Мы называли их Адские Псы.

3. Адские псы

Когда мы вернулись домой с молоком, пришли Джим Томисон и его жена Молли Шихан, которые жили на соседней ферме на расстоянии полумили вверх по реке. Они были нашими лучшими друзьями. Только им мои родители доверяли полностью и говорили с ними совершенно открыто. Мне, мальчишке, было странно видеть, что такие большие и сильные мужчины, как мой отец и Джим Томпсон боятся говорить то, что думают. И хотя я сам вырос в такой атмосфере страха и подозрений, я никогда не мог примириться с той печатью трусости, что лежала на всех нас.

Но я знал, что отец мой не трус. Он был высоким, сильным, с хорошими мускулами. Я не раз видел, как он дрался, а однажды, защищая мать, он голыми руками убил вооруженного воина Каш Гвард. Сейчас этот солдат был закопан в нашей овчарне, а его оружие, тщательно смазанное и завернутое в тряпки, было спрятано в разных местах. Все было сделано чисто и никто нас ни в чем не заподозрил. Но оружие оставалось еще у нас.

Джим тоже уже столкнулся с новым сборщиком налогов Суром, и сейчас был очень зол. Джим тоже был высоким сильным мужчиной с гладко выбритым, как у всех американцев, лицом. Американцами мы называли потомков тех, кто жил здесь еще до Великой Войны. У настоящих Калькаров бороды просто не росли. Они прибыли сюда на огромных кораблях. Время шло корабли сломались и никто не знал, как сделать новые. Так что Калькары больше не прибывали с Луны на Землю.

Для нас это было хорошо, но произошло слишком поздно, так как Калькары плодились, как кролики. Чистокровных калькаров осталось мало, но появилось миллионы полукровок, которые были ничем не лучше Калькаров. Мне даже казалось, что они ненавидят нас, чистокровных землян больше, чем чистокровные Калькары, выходцев с Луны.

Джим совершенно обезумел. Он говорил, что больше не будет терпеть этого, что лучше погибнуть, чем жить в таком ужасном мире. Но я не принимал этого всерьез. Такие разговоры я слышал с самого детства. Жизнь была чрезвычайно трудной – работа, работа и взамен скудные средства к существованию. Никаких удовольствий. Никакого комфорта. Минимум жизненных удобств. Улыбка была редким явлением даже среди детей. А уж взрослые никогда не смеялись. Трудно убить душу ребенка, а души взрослых уже были мертвы.

– Ты сам виноват, Джим, – сказал отец. Он всегда сваливал все беды на Джима, так как его предки до Великой Войны были механиками и техниками, которые никогда не вмешивались в политику и жили в мире своих машин. – Твои предки никогда не сопротивлялись пришельцам. Они с радостью подхватили идею всеобщего братства, которую Калькары принесли с Луны. Они, раскрыв рты слушали эмиссаров Калькаров. Они могли бы успешно сражаться с пришельцами и отстоять нашу страну, но они не сделали этого. Они слушали фальшивых пророков и вложили все свои силы, все искусство в руки жалкого проданного правительства.

– Ну: а твои предки, – возразил Джим, – были слишком богаты, ленивы, пассивны даже для того, чтобы голосовать. Они всячески давили на нас, стремясь выжать как можно больше прибыли для себя.

– Старая болтовня. – рявкнул отец. – Никогда не было более свободного, независимого, процветающего класса, чем американский рабочий двадцатого века. И ты еще говоришь! Мы были первыми, кто вступил в борьбу, кто дрался и умирал, чтобы сохранить величие Капитолия в Вашингтоне. Но нас было слишком мало и теперь знамя Калькаров развевается на Капитолии, а тех, кто еще хранит гордый звездно-полосатый флаг, наказывают смертью.

Он быстро подошел к камину, вынул один кирпич, сунул руку в отверстие и повернулся к нам.

– Но даже после того, как я опустился и деградировал, – воскликнул он. – Во мне сохранилась капля мужества. У меня хватает сил презирать их, как презирали их мои отцы. Я сохранил то, что было передано мне, чтобы я передал это своему сыну, а тот должен сохранить и передать своему сыну. Я должен научить его умирать за это, как умирали мои предки, как готов умереть и я.

Он вынул небольшой сверток и, держа его за углы, развернул перед нами: продолговатый кусок ткани с красно-белыми полосами и голубым квадратом, усыпанным звездами, в углу.

Джим и Молли вскочили на ноги, а моя мать со страхом посмотрела на дверь. Они долго стояли молча и смотрели на ткань, затем Джим подошел к отцу, встал на колено, взял ткань заскорузлыми пальцами и, поднес ее к губам. При свете свечи на столе эта сцена производила потрясающее впечатление.

– Это знамя, сын мой, – сказал мне отец. – Это символ былой славы, знамя твоих отцов, которое сделало мир пригодным для жизни. Обладание знаменем карается смертью, но когда я умру, храни его и ты, как хранил его я. Храни его пока не придет время гордо поднять его верх.

Я почувствовал, что слезы щиплют мне глаза. Я не мог сдержать их и отвернулся, чтобы скрыть это. Я отвернулся к окну, прикрытому овечьей шкурой, отодвинул ее и стал смотреть во тьму. И тут я заметил чье-то лицо, смотрящее в комнату. Никогда в жизни я не был так быстр, как сейчас. Я одним прыжком подскочил к столу, смахнул с него свечу, погрузив комнату во мрак, вырвал из рук отца знамя и сунул его снова в тайник. Затем я быстро нашел кирпич и заткнул отверстие.

Страх и неуверенность так глубоко укоренились в душах людей, что четверо, бывшие в комнате, даже не удивились моему поступку. Они поняли, что для такого поведения у меня есть основания. Когда я нашел свечу и снова зажег ее, они стояли без движения, полные напряжения. Они не спрашивали меня ни о чем. Первым нарушил тишину отец.

– Ты слишком неловок, Юлиан, – сказал он. – Если тебе нужна свеча, ты мог бы взять ее спокойно и аккуратно. Но ты всегда такой, у тебя все валится из рук.

Он пытался говорить сердито, но это была всего лишь попытка обмануть того, кто подсматривал за нами. Эти слова были предназначены ему.

Я вышел в кухню, выскользнул на улицу через заднюю дверь и, крадучись прячась в тени, обошел дом. Ведь тот, кто подсматривал, стал свидетелем величайшей измены.

Ночь была безлунная, но ясная. Я хорошо видел во всех направлениях, так как наш дом стоял на холме. К юго-западу от нас по склону холма извивалась тропинка. Она вела к старому, давно заброшенному и сгнившему мосту. И там я ясно разглядел на фоне ночного неба силуэт мужчины. З плечами у него был мешок. С одной стороны это было хорошо, так как этот человек и сам занимался недозволенным промыслом. Я тоже много раз таскал узлы и мешки по ночам. Это был единственный способ скрыть свой доход от сборщика налогов и оставить кое-что на пропитание семьи.

Эти ночные вылазки при старом сборщике налогов и нерадивом коменданте были не так опасны, как могло показаться, хотя за них полагалась десятилетняя каторга на угольных шахтах, а в отдельных случаях и смерть. В основном смерть полагалась в том случае, если человек хотел скрыть то, что комендант или сборщик налогов хотели бы заполучить себе.

Я не пошел за человеком, так как был уверен, что он такой же, как и мы, и вернулся в дом. И в течение всего оставшегося вечера мы говорили только шепотом.

Отец и Джим, как обычно говорили о Западе. Им очень хотелось верить, что где-то далеко есть уголок, где американцы живут свободно и независимо. где нет сборщиков налогов, нет Каш Гвард, нет Калькаров.

Прошло минут сорок пять. Молли и Джим уже собирались домой, как вдруг в дверь постучали, а затем она широко распахнулась, хотя отец еще не успел пригласить войти. В дверях мы увидели Пита Иохансена, улыбающегося нам. Мне никогда не нравился Пит. Это был

длинный нескладный человек, у которого улыбались только губы, а глаза никогда. Мне не нравилось то, как он смотрит на мою мать, когда думает, что его никто не видит. Мне не нравилась его привычка менять женщин по два раза в год. Это было слишком даже для Калькаров. Когда я смотрел на Пита, у меня было ощущение, что я голыми ногами наступаю на змею.

Отец приветствовал Пита. – Входи пожалуйста, брат Иохансен. – Джим же только хмуро кивнул, так как Пит смотрел на Молли, как на мою мать. Обе женщины были очень красивы. Я никогда не видел женщины, более красивой, чем моя мать. А когда я вырос, я повидал много людей, я всегда удивлялся, как мой отец смог удержать ее. Я тогда понял, почему она все время сидит дома или находится вблизи его. Она никогда не ходила даже на рынок, куда обычно ходили все женщины.

– Что привело тебя так поздно, брат Иохансен? – спросил отец.

Тех, в ком мы не были уверены, мы всегда говорили «брат», как это предписывалось законом. Я ненавижу это слово. Мне казалось, что оно означает врага.

– Я преследовал свинью, – ответил Пит. – Она побежала в том направлении, – и он махнул рукой в сторону рынка. При этом движении плащ его приоткрылся и он выронил пустой мешок. Я сразу понял, что это именно он заглядывал в наше окно. Пит схватил мешок с плохо скрытым замешательством и затем он протянул мешок отцу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.